
*Эта книга представляет собой
творческий вымысел.
Персонажи и их имена —
плод фантазии автора,
и какое-либо сходство
с ныне живущими или ранее жившими
реальными людьми
случайно.*

— Matema —

Если выйти на пенсию, когда мне исполнится 72 года, то тогда мне остается работать пять месяцев. Это равняется 22 неделям, и если все пациенты в назначенное время явятся, значит, мне предстоит провести ровно 800 сеансов. Разумеется, если кто-нибудь отменит визит или заболит, то меньше. Хоть какое-то утешение.

— Квадраты —

Э то случилось, когда я выглянул в окно своей гостиной. На ковер четырьмя вытянутыми четырехугольниками легло весеннее солнце и медленно, но неуклонно поползло по полу к моим ногам. Возле меня на столе лежало нераскрытым первое издание *La nausée*¹, за которое я годами пытался заставить себя приняться. У девочки были худые и бледные ноги, и меня удивило, что ей так рано по весне разрешают гулять в одном платье. Она начертила

¹ Тошнота (франц.).

на тротуаре классики и прыгала, глубоко сосредоточившись, сначала на одной ножке, потом на обеих, потом снова на одной. Волосы собраны в два крысиных хвостика; на вид ей было лет семь, она жила с матерью и старшей сестрой в доме четыре дальше по улице.

Возможно, людям я кажусь самобытным философом, проводящим дни напролет у окна в наблюдениях над значительно более важными вещами, чем бита для игры в классики или движение солнца по ковру. Но нет. На самом деле я глазел в окно, потому что не нашел себе лучшего занятия, ну и к тому же нечто жизнеутверждающее звучало в триумфальных возгласах, временами доносившихся до меня, когда девочке удавалось выполнить особенно сложную комбинацию прыжков.

Посидев так некоторое время, я встал налить себе чашку чаю, а когда вернулся на свой пост, девочки уже не было. Наверное, она затеяла более увлекательную игру в другом месте, подумал я; мелок с битой валялись посреди дороги.

Вот тогда-то это и произошло. Я как раз поставил чашку на подоконник, чтобы чай немного остыл, прикрыл колени пледом — и тут краем глаза заметил, как что-то упало. Мне удалось вновь вернуть свое негнущееся тело в вертикальное положение и приблизиться вплотную к окну ровно в тот момент, когда раздался пронзительный крик. Она лежала у подножия дерева справа от дороги, там, где от нее ответвляется тропинка к озеру. В ветвях дерева я разглядел кошку, бившую хвостом. Девочка сумела сесть, прислонившись спиной к стволу, и рыдала, обхватив руками лодыжку.

Я отпрянул за косяк окна. Может, надо подойти к ней? Последний раз я разговаривал с детьми, когда сам был ребенком, так что это не считается. Не расстроится ли она еще больше, если перед ней вдруг возникнет и станет ее утешать незнакомый дядька? Я снова украдкой выглянул в окно; она все так же сидела в траве, подняв заплаканное лицо вверх и глядя на что-то вдалеке за моим домом.

Только бы меня никто не увидел. Какой же он врач, сказали бы люди, стоит себе пялиться и ниче-

го не предпринимает? Поэтому я взял свою чашку, ушел на кухню и сел там за стол. Хотя я повторял себе, что девочка и сама встанет и потихоньку доскачет до дома на одной ноге и что все с ней хорошо, но часы шли, а я так и прятался на собственной кухне. К тому времени, когда я наконец пробрался назад в гостиную и, таясь за занавеской, выглянул наружу, мой чай остыл и подернулся мутной пленкой. Девочки, разумеется, на дороге уже не оказалось.

— Следы —

Мадам Сюррюг, сколько работала на меня, приветствовала меня каждое утро одинаково. Когда я ступал в дверь, она покидала свое место за массивным письменным столом красного дерева, где восседала, как королева на троне, и выходила принять от меня трость и пальто, а я клал шляпу на полку выше ряда крючков. Попутно мадам Сюррюг перечисляла, что ожидает меня в этот день согласно рабочему календарю, а под конец протягивала стопку медицинских карточек, которые обычно хранились в строгом порядке на стел-

лажах, занимавших всю стену позади стола. Мы обменивались еще парой слов, после чего я, как правило, не видел ее до 12 часов 45 минут, когда я покидал кабинет и выходил пообедать в посредственный ресторан неподалеку.

Когда я возвращался, то всегда заставал ее ровно в той же позе, в какой она сидела, когда я уходил; иногда я задумывался, ест ли она вообще. Запахов еды не чувствовалось, и я никогда не видел ни крошки под ее столом. Требуется ли вообще мадам Сюррюг питание, чтобы жить?

Тем утром она сообщила мне, что звонила одна женщина, немка; она хотела зайти к нам попозже, записаться на прием.

— Я поговорила о ней с доктором Дюраном. Он сообщил, что несколько лет назад ее госпитализировали в Сен-Стефан в выраженном маниакальном состоянии после попытки самоубийства.

— Нет, — сказал я решительно, — придется ей отказать. Ее лечение займет годы.

— Доктор Дюран тоже считает, что было бы лучше снова ее госпитализировать, но она, очевидно,

настаивает на том, чтобы лечиться у вас. Я вполне могу найти для нее время в вашем расписании.

Мадам Сюррюг вопросительно посмотрела на меня, но я покачал головой.

— Нет, так не пойдет. Будьте добры, попросите ее обратиться за помощью к другому специалисту.

К тому времени, когда я собирался отойти от дел, стаж моей деятельности в качестве практикующего врача составил бы полстолетия, этого более чем достаточно. Новая пациентка была мне совершенно ни к чему.

Мадам Сюррюг задержала на мне взгляд еще на мгновение, но затем, не став развивать тему, продолжила перечисление предстоящих на день дел.

— Хорошо, спасибо, — сказал я, принял из ее рук стопку карточек и прошел к себе в кабинет.

Вход в него располагался в противоположном конце просторной приемной, где царствовала мадам Сюррюг и сидели пациенты в ожидании сво-

ей очереди. Таким образом, когда я работал, меня не беспокоили ни стук пишущей машинки моей секретарши, ни ее разговоры с пациентами.

Первая пациентка, сухонькая женщина по имени мадам Гэнсбур, уже прибыла, она сидела в приемной и листала один из журналов, которые иногда приносила с собой мадам Сюррюг. Я вздохнул чуть излишне глубоко и напомнил себе, что когда пациентка уйдет, мне останется всего 753 беседы.

Ничего достойного внимания не происходило, пока я не вернулся в лечебницу после обеда. Я едва не сбил с ног мертвенно-бледную хрупкую женщину, стоявшую прямо за дверью, и извинился за свою неуклюжесть. Глаза женщины казались огромными на тонком лице, обрамленном темными волосами.

— Ну что вы, это же я встала где не надо, — сказала она, проходя вглубь приемной. — Я пришла записаться на прием.

Она говорила с выраженным акцентом, и я догадался, что это, должно быть, та самая немка. К груди она прижимала папку с эмблемой клиники Сен-Стефан.

— Боюсь, это невозможно, — ответил я, но женщина торопливо шагнула мне навстречу и проникновенно заговорила:

— Для меня очень важно попасть на прием. Я не хотела бы доставлять вам беспокойство, но больше мне некуда идти. Помогите мне, пожалуйста.

Я непроизвольно сделал шаг назад. Ее карие глаза блестели как в лихорадке, их взгляд был столь пронзительным, что казалось, будто она вцепилась в меня руками. Было совершенно ясно, что потом от нее не отделаться без борьбы, а у меня уже не было на это ни времени, ни сил. Я двинулся к мадам Сюррюг, выдавливая из себя натужную приветливую улыбку.

— Прошу, пройдемте со мной, — сказал я, обходя женщину сбоку и направляясь к письменному столу, — и мой секретарь всё подробно вам разъяснит.

В том, что эта женщина вообще у нас появилась, была виновата мадам Сюррюг, так что пусть теперь сама ее и отваживает.

Женщина, к счастью, послушно двинулась за мной. Я пропустил ее вперед и припарковал перед мадам Сюррюг, одарив последнюю многозначительным взглядом.

Левая бровь моей секретарши приподнялась на несколько миллиметров.

— Будьте любезны, займитесь дамой, мадам Сюррюг, — попросил я, чопорно кивнул на прощанье и поспешил укрыться в кабинете.

Но образ бледной женщины не отпускал меня, и весь остаток дня каждый раз, когда я открывал дверь, мне мерещилось, будто оставшиеся в воздухе следы ее духов пылинками взмывают вверх.
